

У телеэкрана Любовь к Толстому

150-летний юбилей Льва Николаевича Толстого ознаменовался обращением к его наследию многих мастеров театра, художественного, документального и научно-популярного кино, телевидения. На киностудии «Центрнаучфильм» создана картина «Лев Толстой — наш современник». Учебное телевидение подготовило передачу «День Льва Толстого». На голубом экране демонстрируются спектакли, фильмы прошлых лет, посвященные великому писателю. Наконец, внимание телезрителей привлеч четырехсерийный документальный телефильм «Слово о Льве Толстом» (авторы фильма В. Шкловский, Ю. Белякин, музыка Г. Свиридова, творческое объединение «Экран»).

Когда умер Толстой, Виктору Борисовичу Шкловскому было семнадцать лет. Он уже понимал, что значил этот человек для людей. Он был потрясен. И теперь, когда, опершись на палку, Шкловский смотрит на нас с телеэкрана, нам передается его тогдашнее, умноженное опытом долгой жизни чувство. И мы разделяем его, и это одна из главных интонаций всей картины, хорошо и точно названной — «Слово о Льве Толстом». Но, если обозначить духовный итог того, что мы увидели, — это любовь. Любовь к Толстому. Радостное удивление от того, что такой человек был, есть и будет. Недаром где-то в середине своего «Слова» Шкловский скажет: «Надо не забывать удивляться Толстому!»

Но «Слово о Льве Толстом» — не фильм-монолог. Ведущий и его мысли вслух — лишь один из элементов обширной художественной формы, в целом являющей картину жизни Льва Николаевича Толстого и его творчества. Картина эта едина. Нельзя провести границы: вот здесь жизнь, а вот здесь творчество. Самопознание Толстого — один из сюжетов фильма, скрытая его пружина. Толстой раньше всего хотел познать себя в мире, человека в мире, и неотвратимая жажда истины привела его к эпическому отображению русской жизни.

Постепенно, от эпизода к эпизоду, от главы к главе фильм тоже движется в этом направлении. Авторы стремятся на документальном жизненном материале создать широкую, эпическую картину. Мы даже не замечаем сперва, как логично роль Ведущего берет на себя музыка. Она не вытеснила человека. Напротив, он словно бы передал ей эстафету, когда пришла пора и жизнь Льва Толстого надо было комментировать наиболее сердечным языком искусства — то есть музыкой.

Музыка Георгия Свиридова появляется в фильме как бы исподволь. Сперва, точно подерживая Шкловского, она приходит к нам звучанием женского голоса, дальним хорovým пением. Реквием подчеркивает трагизм ухода и смерти Толстого. И ликующий гимн жизни, гимн природе и человеку звучит в последней части. Вспоминается мысль о синтетическом искусстве, высказанная Толстым однажды Репину. Встрешенный и вдохновленный трагической «Крейсеровой сонатой» Бетховена, Толстой предложил художнику написать картину, которую навеет ему эта музыка. На фоне картины — стоящий на эстраде, известный артист и чтец Андреев-Бурлак прочтет написанную Толстым

повесть, а музыканты исполнят бетховенское сочинение. Замысел не был осуществлен. Свою часть работы выполнил лишь писатель. И вот теперь во всеоружии техники двадцатого века телевидение словно бы воплощает эту мечту.

Возникает картина полифоническая. В ней еще участвует закадровый голос артиста А. Консовского, читающего текст «от автора», который направляет течение кинорассказа в русло толстовской жизни. Этому способствуют и фотографии Толстого. Каждую главу сопровождает какая-нибудь одна из них: Толстой — юноша-студент, офицер в Севастополе, Толстой — создатель «Войны и мира», Толстой — автор беспощадных публицистических статей...

Шкловский не дает последовательного рассказа от творчества Толстого. Скорее это монтаж мыслей и чувств, рождающихся у него сейчас, сиюминутно. У Шкловского особый дар мгновенных обобщений. Над ними нередко надо задуматься, порой они стоят в ряду общеизвестного, но их глубина и законченность доставляют удовольствие и приносят пользу познанию. Своеобразный обнаженный процесс мышления, процесс организации своей памяти на глазах зрителя.

Шкловский не то чтобы снимает с Толстого «хрестоматийный глянец», он просто идет вне хрестоматий. Рассказывая о «Воскресении», например, сюжет которого сообщил Толстому А. Ф. Кони (факт общеизвестный, хрестоматийный — «коневская повесть» — так в дневнике Толстого), Шкловский подробно говорит о содержании рассказа Кони, дает пересказ документальной мелодрамы. Зная «Воскресение», зритель может убедиться, как реальные факты судебной истории преобразуются в творческой лаборатории гениального художника.

Другой пример. Уход Толстого. Трагический финал его жизни. Исторические противостоящие социальные силы проложили себе путь сквозь дом Толстого, выступавшего, по его собственным словам, адвокатом стомиллионного земледельческого народа. Голос ведущего за кадром приводит ленинское определение творчества писателя как художественного выражения эпохи подготовки революции. Шкловский возвращает нас к последним дням жизни писателя, к той самой комнате, где сидит ведущий при свече в темном кожаном кресле. Он говорит:

— Дом. Такая большая знакомая тюрьма... И чувствуешь себя зверем с богатой шкурой... И все равно, любимый дом... Ну вот он встал потихоньку, осмотрелся со

свечой и вышел... Осень, суровая осень... У него денег было тридцать девять рублей... Он ушел, как дитя, — говорил Короленко, — с легкостью и наивностью ребенка. Это очень печальный уход, уход в безнадежность...

А на экране — грязь, снег, избитая копытами дорога. Коляска катит по аллее, смертельно белые стволы берез. Ушел старик, ему восемьдесят два, ночью, тайно, в непогоду, в никуда. И мы переживаем его путь и всегда будем переживать. Могучий хор юрловской капеллы вновь обращает факт в эпос. Ведущий говорит:

— Он хотел, чтобы его похоронили в тихом месте, он был очень усталый от мирского шума человек...

Рассказ Шкловского держится на афоризмах обобщений: «Он хотел переступить через искусство, желая выразить чистую мысль; Толстой любил любовь; это был неизносимый человек; когда Толстой умер, знамя его смерти пронесли через всю страну!»

Какая сжатая партитура толстовской жизни!

Старый писатель не смог сдержать слез, сообщив нам о смерти Толстого. «Я буду плакать», — извинился он перед зрителями.

Мы впервые просмотрели всю документальную киноленту «Патэ» о похоронах великого художника. Всю. От запечатленной записки, переданной из домика начальника станции Астапово, — «скончался», до кадров, показывающих крестьян Ясной Поляны, копающих могилу. Потом началась симфония его бессмертия.

Наверное, фильмы цикла имеют и издержки, и некоторые просчеты. Есть затянутости, кадры скорее иллюстративные, нежели действенные, что особенно заметно в такой идее и художественно насыщенной ленте. Например, памятники великих русских писателей, данные лишь затем, чтобы сказать очевидное: он становится в их ряд. Прямолинейно... Однако это лишь частности, видимые на фоне общего гармоничного целого.

Телевизионный фильм «Слово о Льве Толстом» отражает взгляд на жизнь и деятельность его, характерный для нашего времени. Для него существенно интерес и углубление в духовные борения этого необыкновенного человека, одного из самых величайших и противоречивых лидеров человеческой культуры. Мы видим в них не только отражение его эпохи, но и зажигающий пример морального становления личности.

Для нашего времени характерно отношение к Толстому и всей его деятельности как к нерасторжимому единству. Только взгляды Толстого, взятые как целое, по словам Ленина, могут осветить светом исторического опыта величие его творений и жизни. Этим светом и проникнуто «Слово о Льве Толстом» — бесспорно, интересное произведение телевизионного кинематографа.

А. СВОБОДИН.